

УДК 316

Ван Яньбо

Промышленные образцы в китайско-российской торговле: сравнительно-правовой анализ

Аннотация:

Анализируются механизмы урегулирования споров о патентах на промышленные образцы на фоне стремительного роста китайско-российской торговли. После 2022 г. западные производители массово покинули российский рынок, что создало условия для беспрецедентного расширения присутствия китайского бизнеса: доля китайских брендов в автомобильном сегменте выросла с менее чем 10% (2021 г.) до более 60% (2024 г.), а двусторонний товарооборот достиг 245 млрд долларов США. Проведенный анализ охватывает четыре взаимосвязанные проблемы: правовую асимметрию систем охраны промышленных образцов России и Китая; межкультурные барьеры в деловых переговорах; применение теории ситуационной кризисной коммуникации (SCCT) для защиты репутации в досудебный период; роль Центра арбитража и медиации ВОИС в Шанхае в условиях санкционных ограничений. Предложена интегрированная стратегия управления рисками, объединяющая правовую экспертизу, инструменты кризисной коммуникации и транснациональную медиацию.

Ключевые слова: промышленный образец, патентный спор, интеллектуальная собственность, Китай, Россия, межкультурная коммуникация, SCCT, медиация ВОИС, санкции, альтернативное урегулирование споров.

Сведения об авторе: Ван Яньбо, МГТУ им. Н.Э. Баумана, магистрант кафедры «Безопасность в цифровом мире»; эл. почта: vanya@student.bmstu.ru

Научный руководитель: Багдасарьян Надежда Гегамовна, МГТУ им. Н.Э. Баумана, доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры Социологии и культурологии; эл. почта: ngbagda@mail.ru

Введение

Экономические санкции США, Европейского Союза и их союзных государств, введенные против Российской Федерации после февраля 2022 г., запустили беспрецедентную реструктуризацию российских потребительских и промышленных рынков. Согласно докладу Rhodium Group (2024 г.), только в автомобильном сегменте рынок покинули свыше сорока зарубежных марок – Toyota, BMW, Audi, Škoda, Renault и др. Это высвободило около 1,5 млн единиц ежегодного спроса. Образовавшийся вакуум заполнили китайские производители. По данным WardsAuto, их доля на российском рынке новых легковых автомобилей не превышала 10% в 2021 г.; к концу 2023 г. она перешагнула отметку в 50%, а в первом полугодии 2024 г. достигла 60-62% [15]. Совокупный объем двусторонней торговли по итогам 2024 г. составил 245 млрд долларов США, что вдвое выше показателя 2021 г.

Интенсификация коммерческих связей порождает закономерный побочный эффект: пропорционально растет число правовых конфликтов, в том числе споров о нарушении прав на промышленные образцы. По данным Gorodissky & Partners, за 2022-2023 г. количество дел с участием китайских правообладателей в российских арбитражных судах увеличилось более чем на 35% [14]. В статье предлагается интегрированный подход, охватывающий правовую асимметрию двух систем, межкультурные переговорные барьеры, применение SCCT-стратегий в досудебный период и возможности транснациональной медиации.

Сравнительный правовой анализ систем охраны промышленных образцов

Ключевое различие между российской и китайской системами защиты промышленных образцов сосредоточено на стадии патентной экспертизы. Именно оно определяет переговорную силу сторон в последующем споре. В Российской Федерации охрану промышленных образцов регулирует часть четвертая Гражданского кодекса РФ (ст. 1352-1383). Роспатент проводит двухступенчатую процедуру: формальную экспертизу и экспертизу по существу *ex officio* [6]. На второй стадии эксперты самостоятельно осуществляют информационный поиск, проверяя соответствие двум условиям патентоспособности – новизне и оригинальности. Требование оригинальности принципиально отличает российскую систему: существенные признаки образца – форма, конфигурация, орнамент, сочетание цветов – должны быть обусловлены творческим характером художественно-конструкторского решения [12]. Процедура занимает в среднем пять-шесть месяцев, однако выданный патент обладает высокой презумпцией

действительности. По данным Роспатента за 2022-2023 г., уровень успешного оспаривания действующих патентов в Палате по патентным спорам не превысил 18%. Срок охраны составляет пять лет с правом неоднократного продления до двадцати пяти лет [6].

Китай избрал принципиально иной путь. CNIPA не проводит экспертизы по существу – процедура ограничивается проверкой правильности оформления документов. Результат предсказуем: колоссальный патентный поток. По данным ВОИС, в 2024 г. на долю CNIPA пришлось 52,9% всех мировых заявок на промышленные образцы [11]. Правовая устойчивость таких патентов при оспаривании, однако, существенно ниже: ответчик инициирует процедуру признания патента недействительным почти в каждом значимом китайском деле о нарушении дизайн-патентов. Четвертая поправка к Патентному закону КНР (2024 г.) продлила срок охраны с десяти до пятнадцати лет и ввела охрану частичного дизайна – это особенно значимо для споров, связанных с элементами графического интерфейса и автомобильными компонентами.

Параметр	Российская Федерация	Китайская Народная Республика
Процедура экспертизы	Двухступенчатая: формальная + по существу (ex officio)	Предварительная (формальная)
Условия патентоспособности	Новизна + оригинальность	Новизна (формально)
Срок охраны	5 лет, продление до 25 лет	15 лет (без продления)
Стандарт наблюдателя	«Информированный потребитель»	«Обычный потребитель» (общее впечатление)
Доля успешного оспаривания	≈ 18% (Палата по патентным спорам)	Высокая – оспаривание инициируется почти в каждом деле

Таблица 1. Сравнение систем охраны промышленных образцов в РФ и КНР

Российское право, включая практику Суда по интеллектуальным правам, опирается на доктрину «информированного потребителя». Речь идет о гипотетическом субъекте, знакомом с ассортиментом аналогичной продукции на рынке: он способен заметить отличия в деталях, однако не обладает профессиональными знаниями дизайнера [12]. При этом практика СИП по этому вопросу достаточно последовательна: показательным примером служит решение по делу № СИП-254/2021 [3].

Китайский подход существенно иной. Верховный народный суд КНР закрепил стандарт «обычного потребителя», ориентированного на общее визуальное впечатление

при поверхностном осмотре изделия. Этот стандарт менее требователен к степени различия образцов и создает более благоприятные условия для истца. Описанная асимметрия напрямую влияет на транснациональные коммерческие стратегии. Дизайн, разработанный с ориентацией на публично доступные аналоги, может быть признан законным в России и одновременно нарушающим права в Китае. В силу этого параллельное патентование в обеих юрисдикциях становится обязательным элементом стратегии выхода на рынок.

Один из наиболее документально подтвержденных источников коммуникативных сбоев в китайско-российских переговорах выступает различие в восприятии времени. Антропологическая концепция Э. Холла разграничивает монохронные культуры, в которых время воспринимается как линейный ресурс, подчиненный строгому расписанию, и полихронные, в которых время трактуется гибко, а приоритет отдается качеству межличностного взаимодействия [10].

Исследование Малик (2019 г.), основанное на анализе 247 переговорных сессий с участием китайских и российских менеджеров, выявило характерную закономерность: российские участники значимо чаще прибегали к директивным и регламентированным стилям общения; китайские переговорщики, напротив, демонстрировали готовность возвращаться к ранее обсужденным пунктам и пересматривать позиции [13]. В правовом контексте это расхождение проявляется с особой остротой. Если в ходе досудебных переговоров по претензии китайская сторона предлагает скорректировать ранее согласованный объем компенсации, российская сторона с высокой вероятностью расценит это как нарушение договоренностей. Риск срыва внесудебного урегулирования в таких условиях резко возрастает.

Отношение китайских компаний к договорным обязательствам во многом определяется концепцией гуаньси (关系) – системой долгосрочных персональных отношений и взаимных обязательств. В рамках этой системы подписанный контракт рассматривается не как неизменная точка завершения переговоров, а как фиксация текущего баланса интересов, подлежащая пересмотру при изменении обстоятельств [13]. Исследования показывают, что китайские предприниматели в среднем вдвое чаще, чем их западные коллеги, ожидают возможности повторных переговоров после подписания документов.

Российская деловая культура, напротив, придерживается принципа «окончателности договора»: подписанное соглашение воспринимается как юридически

обязывающий финал, а попытки его пересмотра квалифицируются как проявление недобросовестности. Это противоречие порождает структурный конфликт, наиболее острый именно на стадии медиации, когда обе стороны интерпретируют одни и те же действия диаметрально противоположным образом.

Переговорные стратегии через призму теории игр

В патентных спорах стороны, как правило, сталкиваются с динамической игрой с неполной информацией. Российская переговорная модель тяготеет к стратегии «симметричного ответа» (Tit-for-Tat): правовое действие встречается аналогичным правовым действием, а нарушение соглашения влечет немедленный эскалационный ответ [13]. Такая стратегия предсказуема, но уязвима к коммуникативным ошибкам.

Китайские компании чаще выбирают стратегию асимметричных ответов с долгосрочным горизонтом принятия решений. Согласно данным исследования Малик, в 68% проанализированных конфликтных ситуаций китайские менеджеры избегали прямой конфронтации и предпочитали косвенную сигнализацию о недовольстве [13]. Из этого вытекают две практические рекомендации. Китайским юридическим командам целесообразно фиксировать все промежуточные договоренности в письменной форме непосредственно после каждого раунда переговоров. Российским партнерам, в свою очередь, рекомендуется выдерживать паузу в ответных действиях, прежде чем квалифицировать поведение китайской стороны как нарушение соглашения.

Теория SCCT и досудебное урегулирование

Часть 5 статьи 4 Арбитражного процессуального кодекса РФ устанавливает обязательный претензионный порядок для большинства категорий экономических споров [1]. В сфере интеллектуальной собственности правообладатель, намеренный взыскать убытки или компенсацию, обязан направить предполагаемому нарушителю официальную претензию и выждать тридцать календарных дней до подачи искового заявления. Несоблюдение этого требования влечет оставление иска без рассмотрения.

Для компании-ответчика этот период открывает стратегическое «окно возможностей». За тридцать дней реально инициировать процедуру признания спорного патента недействительным в Палате по патентным спорам Роспатента, что де-факто меняет правовой баланс в переговорах еще до подачи иска [12]. Одновременно этот период позволяет сформировать собственный информационный нарратив в деловом сообществе – прежде, чем оппонент задаст повестку публичного обсуждения.

Применение SCCT: классификация кризисов и выбор стратегии

Теория ситуационной кризисной коммуникации (SCCT), разработанная У. Кумбсом, предлагает систематизированную методологию управления репутацией организации в условиях кризиса [8]. Центральная переменная теории – «вменяемая ответственность» (crisis responsibility): чем в большей мере публика приписывает организации причинность кризиса, тем серьезнее репутационный ущерб. Кумбс выделяет три кластера кризисов – «кластер жертвы», «случайный кластер» и «умышленный кластер» [9]. Публичное обвинение в заимствовании чужого промышленного образца типологически соответствует умышленному кластеру – вне зависимости от того, является ли нарушение фактическим или лишь предполагаемым.

Показательным прецедентом служит дело Geely против WM Motor (Weltmeister). Верховный народный суд КНР в 2024 г. взыскал с ответчика 640 млн юаней (около 88 млн долл. США) в счет возмещения ущерба [2]. WM Motor изначально отрицала нарушения, однако не подкрепила эту позицию конкретными доказательствами независимой разработки. Когда корпус доказательств стал неопровержимым, переход к стратегии «восстановления» оказался запоздалым, а репутационные потери многократно усилились.

Стратегия SCCT	Условия применения	Правовые действия в рамках 30-дневного срока	Коммуникационные действия
Отрицание (Deny)	Дизайн разработан независимо; патент истца уязвим для оспаривания	Подача заявления об аннулировании патента истца в Палату по патентным спорам	Публикация сведений о собственном R&D-процессе; акцент на оригинальности разработки
Минимизация (Diminish)	Сходство обусловлено отраслевыми стандартами или действиями третьих лиц	Сбор доказательств общеизвестности спорных элементов; запросы к поставщикам	Разъяснение технологической обусловленности дизайна; акцент на добросовестности процедур
Восстановление (Rebuild)	Факт нарушения подтверждается экспертизой; судебный риск высок	Направление контрпредложения об урегулировании с фиксацией суммы компенсации	Признание нарушения; демонстрация готовности к диалогу; предложение о лицензировании

Таблица 2. Матрица применения SCCT в досудебный период патентного спора

Кумбс рекомендует стратегию *stealing thunder* – самостоятельное раскрытие информации о проблеме прежде, чем это сделает оппонент или средства массовой информации. Как показывают исследования, эта тактика последовательно демонстрирует большую эффективность в снижении репутационного ущерба [8]. Применительно к 30-дневному претензионному сроку распределение усилий может быть следующим: первые десять дней – правовая оценка и выбор стратегии; следующие десять – реализация юридических действий (подача в Роспатент, сбор контрдоказательств); последние десять – подготовка обоснованного ответа на претензию и инициирование переговоров о внесудебном урегулировании.

Указ Президента РФ № 322 от 27 мая 2022 г. установил специальный порядок выплат по договорам в сфере интеллектуальной собственности с правообладателями из государств, «совершающих недружественные действия» [5]. Российские резиденты обязаны перечислять лицензионные платежи в рублях на специальный счет типа «О». Перевод средств в иностранной валюте за рубеж требует разрешения Правительственной комиссии.

Для большинства китайских компаний, действующих через материковые структуры, Указ № 322 напрямую не применяется: КНР не включена в перечень «недружественных государств». Однако если китайская корпорация владеет правами через холдинговую структуру, зарегистрированную в европейской или американской юрисдикции, она автоматически подпадает под его действие. Идентификация реальной цепочки владения правами становится, таким образом, обязательным элементом *due diligence* перед заключением любого лицензионного соглашения. Указ Президента РФ № 430 от 2024 г. ужесточил ограничения: отчуждение исключительных прав теперь требует предварительного согласия Правительственной комиссии [4].

Практика 2023-2024 гг. показала, что риск вторичных санкций США существенно ограничивает возможность проведения даже юридически корректных платежей. Bank of China, ICBC и China Construction Bank приостановили обработку ряда транзакций с российскими контрагентами [7]. Для патентных споров это означает вполне конкретный сценарий: даже при наличии вступившего в силу мирового соглашения, предусматривающего выплату компенсации, фактическое перечисление средств может быть заблокировано на уровне банковского комплаенса. Часть стимулов к досудебному урегулированию тем самым нивелируется.

Статья 248.1 АПК РФ устанавливает исключительную компетенцию российских арбитражных судов по спорам с участием лиц, в отношении которых введены ограничительные меры [1]. На ее основании российская компания, находящаяся под санкциями, вправе ходатайствовать о запрете рассмотрения дела в иностранной юрисдикции.

Центр ВОИС в Шанхае как инструмент транснациональной медиации

Центр арбитража и медиации ВОИС (WIPO AMC) учредил Шанхайский сервисный офис в 2019 г. при содействии Министерства юстиции КНР. По данным на начало 2026 г., Шанхайский сервис администрировал в совокупности свыше 220 споров с участием иностранных сторон. Около 60% рассмотренных дел завершились урегулированием. В структуре споров преобладают дела, связанные с товарными знаками (58%), авторскими правами (22%) и патентами (14%). Центр ВОИС (Женева) зафиксировал прирост процедур альтернативного урегулирования споров на 70% по итогам 2025 г. [11] – это подтверждает устойчивую глобальную тенденцию к росту спроса на внесудебные механизмы разрешения споров в сфере интеллектуальной собственности.

Структурные преимущества для китайско-российских споров

Выбор медиации в Шанхайском центре ВОИС обусловлен рядом конкретных преимуществ. Во-первых, институциональный нейтралитет: ВОИС как специализированное агентство ООН сохраняет статус нейтральной площадки, что снижает опасения обеих сторон относительно системной предвзятости форума. Во-вторых, соответствие культурным ожиданиям: конфиденциальность медиации органично сочетается с концепцией гуаньси, а мировое соглашение в письменном виде отвечает российскому требованию окончательности договора. В-третьих, легитимизация финансовых транзакций: структурирование выплаты компенсации как исполнения международного медиативного соглашения под эгидой ВОИС, а не как платежа по российскому судебному решению, существенно снижает риск блокировки банковским комплаенсом. Наконец, скорость: среднее время рассмотрения дела в рамках медиации ВОИС составляет три-шесть месяцев против двенадцати-восемнадцати месяцев в СИП РФ по сложным патентным спорам [11].

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд взаимосвязанных выводов. Во-первых, правовая асимметрия между двумя системами охраны промышленных

образцов носит структурный характер. Стандарт существенной экспертизы Роспатента и доктрина «информированного потребителя», применяемая российскими судами, обеспечивают выданному патенту высокую презумпцию действительности. Компания, входящая на российский рынок без предварительной регистрации патента, несет системный юридический риск, который стратегическое партнерство двух государств не компенсирует.

Во-вторых, межкультурные факторы деловой коммуникации напрямую влияют на исходы юридических переговоров. Расхождение в восприятии временных горизонтов, смысла договора и допустимых переговорных тактик создает риск срыва досудебного урегулирования по причинам, не связанным с существом правовых требований.

В-третьих, обязательный 30-дневный досудебный срок по АПК РФ представляет собой стратегический ресурс. Его эффективное использование в соответствии с матрицей SCCT позволяет одновременно сформировать информационную повестку, реализовать правовые защитные действия и занять переговорную позицию, минимизирующую репутационный ущерб.

В-четвертых, медиация в рамках Шанхайского центра ВОИС предоставляет правовую конструкцию, в которой мировое соглашение одновременно удовлетворяет культурным ожиданиям обеих сторон, обеспечивает нейтральность процедуры и создает более надежное основание для проведения трансграничного платежа, чем решение государственного суда.

Интегрированная модель управления спором включает четыре последовательных уровня: превентивный – параллельное патентование в обеих юрисдикциях до выхода на рынок; реактивно-правовой – своевременная оценка патентоспособности и уязвимости прав оппонента; коммуникационный – применение SCCT-стратегий в досудебный период; процессуальный – выбор форума альтернативного урегулирования споров с учетом санкционных ограничений и культурной совместимости процедуры.

Библиографический список:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 2024 г.) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (дата обращения: 17.05.2026).

2. Решение по делу Geely Holding Group против WM Motor (Weltmeister) // Yicai Global. URL: <https://www.yicai.com/news/-chinese-court-freezes-usd107-mln-of-wm-motor-assets-in-second-court-ruling-in-two-days> (дата обращения: 15.03.2025).
3. Решение Суда по интеллектуальным правам от 22 июля 2021 г. по делу № СИП-254/2021 // КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SIP&n=80275#GkD5sJVBPJmsWOz9> (дата обращения: 17.05.2026).
4. Указ Президента Российской Федерации от 2024 г. № 430 «О порядке совершения отдельных сделок по отчуждению исключительных прав» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50636> (дата обращения: 15.03.2025).
5. Указ Президента Российской Федерации от 27.05.2022 № 322 «О временном порядке исполнения обязательств перед некоторыми иностранными кредиторами» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47862> (дата обращения: 15.03.2025).
6. Федеральный закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 11.06.2021) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/
7. Bank of China перестал обрабатывать платежи в юанях от банков РФ из SDN-листа // BFM. URL: <https://www.bfm.ru/news/552865> (дата обращения: 17.05.2026).
8. Coombs W. Ongoing Crisis Communication: Planning, Managing, and Responding. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, 2019. 359 p.
9. Coombs W. Protecting Organization Reputations During a Crisis: The Development and Application of Situational Crisis Communication Theory // Corporate Reputation Review. 2007. Vol. 10, No. 3. P. 163-176.
10. Hall E. The dance of life The other dimension of time. Garden City (N.Y.) : Anchor press: Doubleday, 1983. 232 p.
11. IP Facts and Figures 2025: Designs // A WIPO. URL: <https://www.wipo.int/web-publications/ip-facts-and-figures-2025/en/designs.html> (дата обращения: 15.03.2025).
12. Legal Framework for the Protection of Designs in Russia // Asia IP Law. URL: <https://asiaiplaw.com/article/legal-framework-for-the-protection-of-designs-in-russia> (дата обращения: 15.03.2025).
13. Malik A. Sino-Russian Negotiation Styles: A Cross-Cultural Analysis of Situated Patterns // Asian Journal of Comparative Politics. 2019. Vol. 6, No. 3. URL:

https://www.researchgate.net/publication/337306581_Sino-Russian_negotiation_styles_A_cross-cultural_analysis_of_situated_patterns (дата обращения: 17.05.2026).

14. The Road to Market Success: IP Protection Best Practices for Chinese Businesses in Russia // Gorodissky & Partners. URL: <https://www.gorodissky.com/publications/articles/the-road-to-market-success-ip-protection-best-practices-for-chinese-businesses-in-russia/> (дата обращения: 15.03.2025).

15. WardsAuto. Sanctions May Hamper Chinese Automakers in Russia. URL: <https://www.wardsauto.com> (дата обращения: 15.03.2025).

Wang Yanbo. Industrial Designs in Sino-Russian Trade: Comparative Legal Analysis

The article analyses mechanisms for resolving disputes over industrial design patents against the backdrop of the rapid growth of Sino-Russian trade. After 2022, Western manufacturers left the Russian market en masse, creating conditions for an unprecedented expansion of the Chinese business presence: the share of Chinese brands in the automotive segment rose from less than 10% (2021) to more than 60% (2024), and bilateral trade turnover reached USD 245 billion. The study addresses four interrelated problems: the legal asymmetry between the Russian and Chinese systems of industrial design protection; intercultural barriers in business negotiations; the application of Situational Crisis Communication Theory (SCCT) to safeguard reputation in the pre-trial period; and the role of the WIPO Arbitration and Mediation Center in Shanghai under sanctions-related constraints. Drawing on comparative legal analysis and current case law, the paper proposes an integrated risk-management strategy that combines legal expertise, crisis communication tools and transnational mediation.

Keywords: industrial design, patent dispute, intellectual property, China, Russia, intercultural communication, SCCT, WIPO mediation, sanctions, alternative dispute resolution.